

А. Ю. Аржанов

Раскопки полковника Манро на ГераклеЙском полуострове во время Крымской войны 1854–56 годов

истории археологических раскопок в окрестностях Севастополя до сих пор остается ряд белых пятен. Прежде всего, это периоды войн, затронувших город. Если в мирное время о любых, любительских или грабительских, раскопках становилось известно благодаря неусыпному вниманию научной общественности, направленному на территорию древнего Херсонеса и его окрестностей, то во время войны, когда территория ГераклеЙского полуострова оказывалась занятой вражескими армиями, контролировать подобную деятельность становилось невозможным.

Так было и во время Крымской войны и Первой Обороны Севастополя. Известно, что союзные армии, осаждавшие город, производили раскопки, но до сих пор нет точной информации о том, что же именно и где было раскопано.

Здесь важно отметить, что в период военных действий в Крыму союзники не ограничились только Севастополем, как в военном, так и в интересующем нас археологическом аспекте. Пострадали и другие города, в частности Керчь. И вот о раскопках в Керчи, какими бы они не были, мы знаем достаточно подробно, благодаря тому, что один из руководителей этой операции, д-р Макферсон, опубликовал в 1857 г. большую работу, снабженную массой иллюстраций, под названием «Antiquities of Kertch». Важность этой работы заключается еще и в том, что в ней упоминается и об английских работах под Севастополем. Конечно, такая работа не могла пройти мимо внимания исследователей. Так, И. В. Тункина, в своей книге «Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.)» ссылается именно на Макферсона, упоминая раскопки союзников в Севастополе: «Покидая Севастополь, французы и англичане прихватили с собой древности, хранившиеся в устроенном Иннокентием музее при киновии, и вещи из проводившихся ими на городище грабительских раскопок под руководством полковника 39 полка Манро (Munroe) (на раскопках было занято 50 чел.), впоследствии переданные в Британский музей. Манро также провел исследования в окрестностях Балаклавы и нашел монеты, терракотовые статуэтки, один «красивый» рельеф и много посуды» [1, с. 529].

Попробуем разобраться, так ли обстояли дела и что же именно копал полковник Манро. Для этого обратимся к упомянутому Макферсону. Первый взгляд в текст как будто бы подтверждает то, что цитировалось выше: «Исследования полковника Манро, офицера 39-го полка, позволили обнаружить некоторые интересные остатки древнего Херсонеса, где он находился в составе армии» [2, с. 44].

Но следующие же строки заставляют усомниться в правильности сделанных выводов: «Открытие, совершенное неподалеку от штаб-квартиры лагеря около Севастополя, отражено в одном из писем корреспондента «Таймс» [2, с. 44].

Здесь уже возникает некоторое несоответствие. В мемуарах и на картах того времени просто «штаб-квартирой», без указания конкретной части или воинского соединения, называют штаб-квартиру главнокомандующего. Многочисленные карты и планы обороны Севастополя, как отечественные, так и зарубежные, указывают местонахождение штаб-квартиры главнокомандующего английской армией на хуторе Бракера (Бракнера), около высот Карагач, близ дороги, соединяющей Балаклаву и Камышевую бухту, в районе современного 7-го километра Балаклавского шоссе. Определить это место как находящееся вблизи городища Херсонеса очень проблематично. Кроме того, в районе Херсонеса не было воинских частей англичан, это была «зона ответственности» французов. Впрочем, вчитаемся дальше, непосредственно в текст упомянутого письма: «На всем плато Херсонеса вы видите следы старых зданий, раскиданных во всех направлениях и легко узнаваемых по некоторому количеству обработанных камней, лежащих в линию. Одни из таких развалин, лежащие на вершине Col De Balaklava, в нескольких сотнях ярдов от английской штаб-квартиры, производили, должно быть, впечатление на каждого проходящего от Балаклавы на плато. В течение зимы, однако, на этом месте стояла лагерем французская кавалерия, и большинство камней, лежавших на поверхности, были разобраны для строительства хижины и кухни, без отметки места, откуда они были взяты. 26-го октября, группа солдат 4-го пехотного полка собирала камни в этом месте, и один из солдат нашел старинную монету, которую он показал своему офицеру, лейтенанту Нэшу, тот, в свою очередь, показал ее капитану Паттону из того же полка. Последний пришел с этой монетой к полковнику 39-го полка Манро, который, будучи антикваром, получил разрешение штаба использовать каждый день 50 солдат его полка на раскопках этих руин» [2, с. 44].

Как следует из приведенного отрывка, 50 солдат каждый день трудились не на раскопках городища, а в непосредственной близости от штаб-квартиры. Если же учесть, что Col De (Di) Balaklava, Балаклавским ущельем, союзники называли разрыв между Караньскими и Карагачскими высотами, откуда берет начало Сарандинакина балка, то место становится еще более очевидным. Окончательно прояснить вопрос с местом раскопок Манро нам поможет одна из английских карт, к которой мы и обратимся (рис. 1). На этой карте, в районе между штаб-квартирой и «Балаклавским ущельем», в треугольнике, образованном пересечением главной французской дороги с Федюхиных высот на Камьеш и железной дорогой англичан, мы видим «старинные развалины (ancient ruins)». Это единственная пометка такого рода на данной карте, хотя довольно много отметок просто «развалин (ruins)». И, в отличие от многих других пометок, эти руины имеют даже некоторое подобие плана, насколько это позволяет масштаб карты. На это же место в своем «Крымском дневнике» указывает и доктор Фредерик Робинсон, медицинский служащий английской армии: «Случайно было сделано открытие некоторых реликвий былых времен. Полковник Манро, из 39-го полка, заметил солдата, занятого в дорожном строительстве на краю плато Col de Balaklava, перевозящим камень специфической формы. На основании этого он предположил существование древних остатков и раскопки подтвердили его правоту» [4, с. 424].

Совокупность мемуарных описаний и картографической информации свидетельствует о том, что место основных раскопок полковника Манро располагалось не на городище Херсонеса, а на самом краю размежеванной сельскохозяйственной территории древнего города. Наличие карты позволяет нам с большой долей уверенности выполнить привязку к современным реалиям. Отмеченные на карте руины находились, если следовать современным названиям, на правом склоне верховьев Сарандинакиной балки, к северу от Балаклавского шоссе, в месте развязки этого шоссе с улицей Новикова, т. е. непосредственно в месте поворота на Балаклаву.

Что же именно раскапывал полковник Манро? Какого рода объект заключали в себе эти руины? Для того чтобы понять это, обратимся вновь к письму, цитируемому в книге

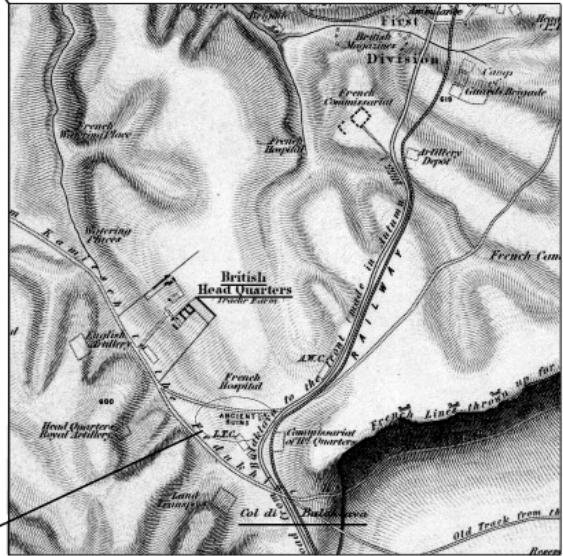

Рис. 1. Место раскопок «старинных руин» между штаб-квартирой английской армии и Балаклавским ущельем. Планы картографической службы Саутгемптона, 1857–1858 гг. [3]

Fig. 1. Location of the «ancient ruins» between head-quarters and Col di Balaklava. Fragments of plans Ordnance Map Office, Southampton, 1857–1858 [3]

Макферсона: «Было открыто круглое здание, тридцати футов в диаметре, с остатками двух примыкающих линий стен — одной в южном направлении, и одной в восточном. Это круглое здание разделяется стеной с севера на юг; в восточной части сформированного таким образом полукруга — дверь, обращенная на юг, и что-то наподобие колодца, узкого в горле и расширяющегося по мере углубления; напротив — большая плита, в форме параллелограмма, размером восемь на четыре фута, стоящая вертикально, и окруженная круговой стеною из мелких камней, отличающейся по конструкции от остальной части здания, которая сложена из хорошо отесанных камней греческой архитектуры. Но самая любопытная вещь в этом помещении — это плита, горизонтально лежащая в углу, образованном северной стороной внешней стены и стены, разделяющей круглое здание. Края этой плиты выше, чем середина, и на одном конце, обращенном внутрь помещения, есть некий желоб, как будто бы для стекания жидкости. Подобный же камень находится и с другой стороны разделяющей круглое помещение стены, только сток у нее находится под прямым углом к стоку плиты в первом помещении. Второе помещение также разделено стеной с востока на запад, по обеим сторонам от которой свободное пространство занято тринадцатью круглыми глиняными сосудами в четыре фута в диаметре» [2, с. 45].

Переведем английские меры длины в современные метрические единицы. У нас получится, что диаметр круглого здания составлял чуть больше 9-ти м, размеры блока-параллелограмма 2,5 м на 1,2 м, диаметр сосудов 1,2 м. К сожалению, отсутствуют размеры плит с желобками, но и без них в нарисованной картине угадывается античная винодельня, подобная многим, найденным на хоре Херсонеса уже в наше время. Описание колодца позволяет предположить, что речь идет о цистерне, похожей на часто встречающиеся в усадьбах хоры Херсонеса.

Схожую с вышеприведенным описанием картину рисует в своих дневниках доктор Робинсон. Он был первым, кто высказал правильную догадку о назначении плит:

«Круглое помещение было раскопано первым. Стены были сложены из большого количества крупных камней, помещение разделялось еще одной стеной. В одной половине находилась серия чанов, или же раскопки открыли десять или двенадцать больших глиняных сосудов, вместимостью от восьми до десяти галлонов. В одном конце к ним примыкала большая плита с желобчатым краем. В другой части — другая плита, грубый перпендикулярный каменный блок, который мог быть частью разрушенного механизма, и воронкообразная яма, очевидно колодец.

Хотя некоторые и предполагают, что это остатки жертвенных камней, ученому наблюдателю они, без сомнения, представляются винодавильнями. Впрочем, так как раскопки продолжаются, то было бы преждевременным формировать любое мнение» [4, с. 424].

Сам полковник Манро, по свидетельствам и Макферсона, и Робинсона, и Вильяма Рассела, вышеупомянутого корреспондента «Таймс», считал, что нашел древний храм с жертвенником и сосудами для сбора крови, однако, даже его современники не разделяли подобных взглядов. Мы же, основываясь на современных знаниях, можем уверенно предполагать, что это загородная херсонесская винодельня эллинистического периода, с двумя винодавильными площадками, для первичного ножного и вторичного прессового отжима, с т. н. «камнем-якорем», служившим деталью пресса, и с обширным пифоссарием. Такие винодельни подробно описал С. Ф. Стржелецкий [5, с. 116]. Много подобных объектов отмечает и Г. М. Николаенко в своем подробном описании хоры Херсонеса Таврического [6, с. 22, 31, 51, 74, 130, 133], детальную реконструкцию такой винодельни сделал Н. П. Андрущенко [7, с. 38]. Впрочем, у Макферсона также отмечается, что подобные плиты часто встречаются в развалинах на Гераклейском полуострове, и «часто их именно две» [2, с. 46].

Конечно, при чтении описаний раскопок Манро возникает ряд вопросов. Во-первых, ни в одной из известных усадеб хоры Херсонеса эллинистические винодельни не

помещались в круглые здания. Во-вторых, площадки первичного и вторичного отжимов не разделялись стенами, а существовали рядом в одном помещении. В-третьих, вызывают вопросы размеры «перпендикулярного блока». Частично прояснить эти неясные моменты позволяет размещенный в «Иллюстрированных Лондонских новостях» рисунок, на котором изображены эти раскопки (рис. 2).

На этом рисунке мы видим лишь часть круглого помещения и одну из плит. Досадно, что нет изображения второй плиты и т. н. «камня-якоря», но и из представленного материала можно сделать некоторые выводы и предположения. Бесспорно, что на картине изображена винодавильная площадка, так называемый тарапан, формой и расположением более похожий на тарапан именно для ножного отжима. Не вызывают сомнения и пифосы. Что же касается круглого здания и разделяющей его стенки, то на основании рисунка можно предположить, что эти архитектурные конструкции находятся уровнем выше винодельни и являются остатками более позднего строительного периода. Появление круглых построек на усадьбах хоры Херсонеса в римский и позднеимперский периоды зафиксировано многочисленными раскопками, а схожее размером (внешний диаметр — 9 м) круглое сооружение, разделенное на две половины стеной, подробно описано Л. А. Ковалевской и Т. Сарновски [9, с. 84].

Помимо круглого помещения, дальнейшие раскопки выявили еще ряд объектов. И Робинсон, и Рассел отмечают еще три помещения — небольших, прямоугольных в плане, заключенных в общую ограду [2, с. 424; 10, с. 394]. На приведенном на рисунке 1 фрагменте карты виден даже приблизительный план всего комплекса. Судя по нему, помещения располагались по периметру общей ограды, круглое здание находилось в северо-восточном углу, общий же размер комплекса по карте составляет примерно 45 × 35 м. В целом, можно с большой долей уверенности предполагать, что

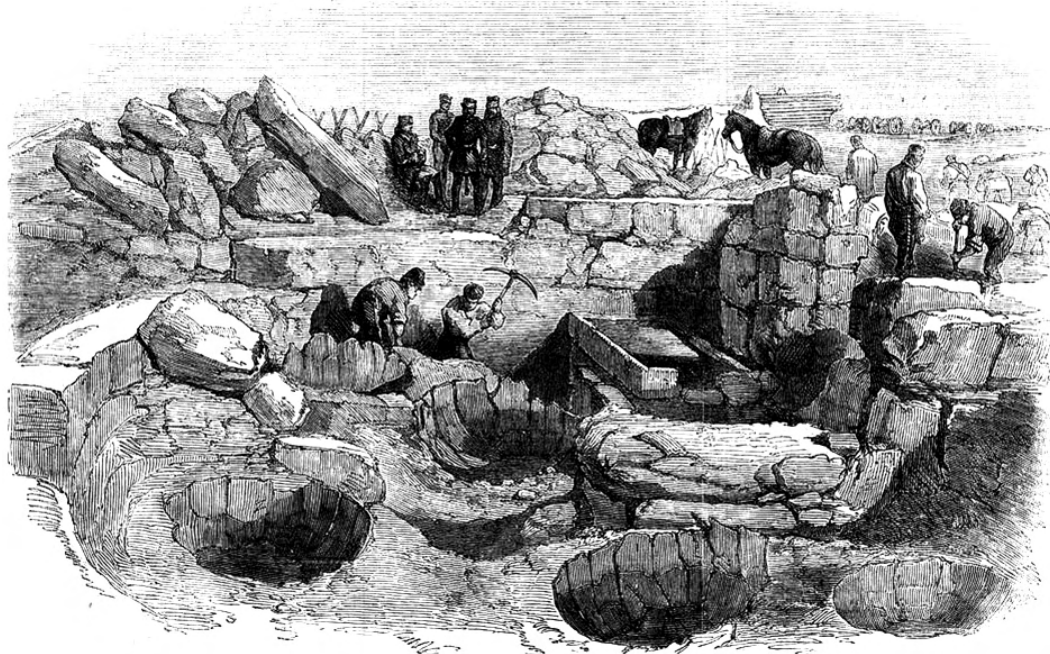

Рис. 2. Раскопки старинных развалин рядом со штаб-квартирой, Севастополь
Рисунок из Illustrated London News, 8 декабря 1855 г. [8, с. 673]

Fig. 2. Remains of ancient building discovered near the head-quarters, Sebastopol
The Illustrated London News, December 8, 1855 [8, с. 673]

полковником Манро была раскопана одна из херсонесских усадеб. Ее географическое положение дает возможность отнести данную усадьбу к участку № 404 по Николаенко [6, с. 146]. Подтверждением этому может также служить то, что усадьба верховья Сарандинакиной балки (участка № 404) была отмечена на известном плане Строкова [6, с. 146], составленном задолго до Крымской войны. А в приведенном выше письме Рассела мы видим, что развалины были видны, и производили впечатление еще до раскопок.

Какие сохранились сведения о материале данных раскопок? Основной и наиболее заметной находкой явились, конечно, пифосы. И если очевидцы раскопок гадали о назначении «больших сосудов», то у исследователей они не вызывали никакого сомнения. Самуэль Бирч в своей «Истории античной керамики» упоминает об этой находке полковника Манро, тем самым частично вводя результаты этих раскопок в научный оборот: «В раскопках полковника Манро между Севастополем и Балаклавой им было найдено 16 пифосов, четыре фута четыре дюйма высотой и два фута два дюйма в диаметре, внутри круглого здания, по-видимому, склада. Эти пифосы были бледно-красного цвета, как римские *opus doliaе*. На них не было клейма изготовителей, но на горловине одного была метка ΔΔΓΓШ, по-видимому, обозначающая цену. Внутри них находились различные объекты, в частности несколько терракотовых конусов. Аналогичные пифосы были найдены в Афинах. Некоторые из них соединялись по линиям разлома свинцовыми заклепками» [11, с. 135].

Не обходит своим вниманием пифоссарий и Макферсон, продолжая цитировать Рассела: «Все сосуды расколоты и сохраняют форму только благодаря земле, в которой лежат. Они, должно быть, имели форму амфоры, сужающуюся к горлу, судя по тем фрагментам, которые были найдены. У некоторых на стенках есть треугольные свинцовые заклепки, вероятно, следы ремонта, два из сосудов двойные — один в другом» [2, с. 45].

Описание остальных находок очевидцами менее выразительно. Робинсон упоминает большое количество фрагментов керамики и черепицы, несколько наконечников стрел и монет. Цитируемый Макферсоном Рассел говорит более подробно: «Находки составляют восемь или десять монет, все одного вида, с изображением на обеих сторонах что-то наподобие креста с разделенным концом и наклоном вниз; много фрагментов сосудов, на одном из кусков, мне показалось, что я узнал арабские буквы; кости животных и фрагмент статуэтки мужчины, только его ноги» [2, с. 46].

Как сообщается в «Протоколах Лондонского общества антикваров» 10 апреля 1856 г., «полковник Манро представил обществу словесный отчет о своих раскопках предполагаемого древнего храма около Севастополя. Отчет сопровождался планом, также было выставлено некоторое количество находок, обнаруженных в его стенах» [12, с. 267].

Более подробно об этом выступлении рассказывается в «Gentleman's Magazine» за 1856 г. В частности, в этом журнале упоминается, что «маленькая терракотовая женская головка исключительной красоты, возможно Астарта или другое божество, была преподнесена Ее Величеству. Остальные фрагменты керамики, стеклянные бусины, фибулы, копейные наконечники и монеты будут переданы на хранение в Британский музей». Там же отмечено, что рисунок группы находок, включая подаренный королеве Виктории фрагмент терракотовой статуэтки, опубликован в *Illustrated London News* от 19 января 1856 г. [13, с. 499].

В базе данных Британского музея, размещенной в сети интернет на сайте www.britishmuseum.org, содержится 159 объектов с пометкой «подарены музею полковником Манро» и приведено их подробное описание. Причем, под одним и тем же номером объекта может содержаться несколько фрагментов керамики, как от одного, так и от разных сосудов. Правда, вызывают сомнения указания на место находки, приведенные в описаниях. Большинство находок снабжены пометкой «Инкерман, круглое здание». Встречаются также пометки «Инкерман, круглый храм», «Инкерман,

храм», «Балаклавское ущелье, круглый храм», «Севастополь» и даже «Керчь, храм». К сожалению, специалисты Британского музея не смогли прояснить источник паспортизации этих объектов и причину такого разнообразия отметок места находок. Представляется, что за исключением объектов, снабженных отметкой «Керчь, храм», а это всего лишь 5 фрагментов разнообразных железных ключей и один костный фрагмент, все остальные находки можно и нужно рассматривать как единый комплекс, происходящий из раскопанной полковником Манро усадьбы.

Во-первых, во всех вышеприведенных статьях и воспоминаниях нет указаний на то, что полковником проводились исследования где-нибудь еще в окрестностях Севастополя, кроме как в руинах неподалеку от штаб-квартиры. Во-вторых, во всех статьях прямо говорится о передаче Британскому музею единого комплекса находок, происходящих из одних раскопок, т. н. «раскопок круглого здания/храма». В-третьих, представляется маловероятным одновременное обнаружение и работы сразу на двух круглых зданиях в разных частях хоры Херсонеса. Метка «храм» вполне объяснима заблуждением Манро. Таким образом, неясным только остается появление метки «Инкерман».

Есть и еще одна деталь: находки, изображенные на рисунке в Illustrated London News от 19-го января 1856 г., подписаны как «античные находки около штаб-квартиры, под Севастополем». В статье, сопровождающей рисунок, говорится, что это коллекция древностей из раскопок Манро и приводится вышеупомянутое письмо корреспондента Таймс, Вильяма Рассела (рис. 3). В то же время в базе данных Британского музея предметы, изображенные на рисунке, имеют разные отметки места находок в рамках вышеприведенных определений. Выскажу предположение, что эта путаница возникла при позднейшей паспортизации находок. Во всех статьях того времени место работ Манро описывается как расположенное рядом со штаб-квартирой между Севастополем и Балаклавой. Впервые ссылка на храм в Инкермане, как место обнаружения этих фрагментов, встречается в каталоге римской керамики античного отдела Британского музея Уолтерса, изданного в 1908 г. [15, с. 14–15]

Итак, что же представляет собой комплекс находок из раскопок полковника Манро? Сразу же хочется отметить, что, судя по тщательности и полноте сбора материала,

Рис. 3 Древности, найденные рядом со штаб-квартирой, под Севастополем. Рисунок из Illustrated London News, 19 января 1856 г. [14, с. 80]

Масштабная линейка и номера объектов добавлены в рисунок А. Аржановым

Fig. 3. Antiquities found near head-quarters, before Sebastopol. The Illustrated London News, January 19, 1856 [14, с. 80]
The scale and number of objects added to the drawing by the A. Arzhanov

который включает в себя разнообразные предметы, вплоть до мелких костяных и железных иголок, небольших фрагментов керамики, как парадного, так и повседневного использования, фрагментов костного материала, мелких кусков стеклянных сосудов, данные раскопки сложно отнести к просто грабительским, производимым только для поиска художественных ценностей.

Конечно, отсутствие точной фиксации по слоям и на плане не позволяет провести полный анализ объекта, но и без этого полнота собранной коллекции вызывает определенное уважение, особенно с учетом времени и обстоятельств раскопок, и позволяет делать определенные выводы.

Комплекс находок включает в себя:

1. 66 объектов разнообразных керамических сосудов, из них 17 чернолаковых фрагментов канфаров, скифосов, чаш, мисок, три краснолаковых, четыре отнесенных к «терра сигиллята», три с обозначениями просто «лак»; один объект, включающий в себя 53 различных фрагмента т. н. «мегарских» чаш; 4 фрагмента кувшинов; 10 фрагментов амфор, из них три с прямоугольными клеймами; 3 фрагмента различных пифосов, один фрагмент большого таза диаметром 23 дюйма;
2. 5 каменных объектов, из них 3 небольших (15–18 см) фрагмента рельефов, один известняковый каменный алтарь, высотой 2,5 дюйма, и один фрагмент каменного молота;
3. 21 фрагмент железных изделий, в том числе два копеечных наконечника, четыре наконечника стрел, шесть фрагментов однолезвийных ножей, один фрагмент мотыги и восемь фрагментов гвоздей, причем в отношении четырех из них указано, что это, возможно, фрагменты иголок;
4. 7 бронзовых объектов, из которых одна пластина, одна пряжка, один фрагмент драпировки и четыре гвоздя (в одном случае «или игла»);
5. 4 свинцовых объекта, все заклепки или скобы, две из них представлены вместе с удерживаемыми кусками керамики;
6. 9 объектов из стекла;
7. 5 костных объектов, из них один зуб, один диск с отверстием, две иголки, один фрагмент маленького ящичка из слоновой кости размером 1,1 дюйма;
8. Два фрагмента черепицы, один из которых с клеймом. Греческая надпись в клейме воспроизведена в базе данных музея в латинской транскрипции как «PHILIPPOY ...STYNO MOY»;
9. 8 керамических грузил пирамидальной формы, размерами от 2,2 до 4-х дюймов, из них пять с оттисками — сидящая фигура, козерог, голова, гротескная голова с тремя лицами, овал;
10. 8 глиняных пряслиц;
11. 4 фрагмента точильных камней;
12. 7 бусин, из которых 6 стеклянных, одна гагатовая;
13. 3 светильника, из которых один определен как Loeschcke Type IB, Shoulder-form IIIb, 1–50 н. э., с изображением быка; другой определен как Howland Type 49A, 150–51 до н. э., двояковыпуклый корпус, длинный резкий носик, утопленный диск, ручка верикальная, петлеобразная, отсутствует, узор из двойных листьев и ов, покрытие темно-серое; третий определен как Loeschcke Type IV, Shoulder-form IIIa; 25–75 н. э., изображение орла, пьющего из бассейна в тени дерева, кольцевая ручка ныне утрачена, поднятое основание, темно-оранжевое покрытие [16].

Некоторые из этих находок представлены на вышеупомянутом рисунке ILN от 19-го января 1856 г. Однозначно соотнести описание из базы данных Британского музея с изображением мне удалось по четырем фрагментам (рис. 3). Регистрационные номера объектов и их описание даны по вышеупомянутой базе данных в моем переводе:

И
С
Т
О
Р
И
Я
К
У
В
Т
И

1. № 1856,0430.66 — чаша. Краснолаковая чаша, «терра сигиллята». Лак блестящий, яркий. Фрагмент нижней части стенки. Фигурный фриз, внизу орнамент жемчужника. Фигуры: Эрос влево и рифленый кратер (?) на витой колонне (верхняя часть отколота); Эрос танцующий вправо с запрокинутой головой и воздетой правой рукой, левое колено поднято для поддержки лиры в левой руке; складки одежды закручены вокруг тела; далее, Эрос прямо, глядящий направо, с факелом или пастушьим посохом в правой руке, левая вытянута, в ожидании чего-то; с правого края ноги чьей-то другой фигуры. Высота фрагмента 5,8 см максимальная, ширина — 9,7 см.
2. № 1856,0430.42 — осколок венчика глиняного сосуда красного цвета с каймой из восьмиконечных звезд, ниже листья, цветное покрытие.
3. № 1856,0430.40 — светильник. Loeschke Type IV, Shoulder-form IIIb. 1-50 н.э. Местное производство. Изготовлен при помощи формы, имеет покрытие. На корпусе изображение быка. Ручка отсутствует (?). Нечеткий кольцеобразный поддон. Покрытие темно-коричневое. Восстановлена из фрагментов, частично утраченных, корпус немного отреставрирован. Длина — 8,8 см, ширина — 6,4 см. Номер по каталогу греческих и римских светильников Q3220;
4. № 1857,0527.1 — фрагмент терракотовой фигурки. Середина — конец III в. до н.э. Женская головка, фрагмент статуэтки. Волосы разделены прямым пробором и опускаются густыми волнистыми прядями под венок. Нечетко смоделированная макушка предполагает род диадемы, крепившийся к венку. Лицо широкое, с глубоко посаженными, тщательно проработанными глазами и ямочкой на подбородке. Техника: фигура тщательно проработана, небольшое круглое отверстие позади пробора, большее отверстие для выхода воздуха при обжиге на затылке. Глина, оранжевая, грубая. Покрыта белой краской. Венок частично отсутствует. Найдена в Севастополе полковником Манро, подарена музею королевы Викторией. Номер по каталогу греческих и римских терракот: Terracotta 2188, Terracotta C401 [16].

В целом весь комплекс находок ничем особенным не выделяется в ряду других херсонесских усадеб. Крайние границы датировки комплекса представлены фрагментом чернолаковой чашки, предположительно аттической, V в. до н. э., и фрагментом стеклянной бутылки, с овальным клеймом с изображением краба или другого представителя семейства ракообразных (crustacean), XII—XIII вв. н. э.

Но поскольку это единичные объекты, а основная масса находок датируется в пределах от III в. до н. э. до III в. н. э. (вся датировка дана по базе данных Британского музея [16]), то представляется разумным говорить о существовании комплекса именно в это время, что не противоречит и архитектурным остаткам, представленным в описаниях выше.

Более полную информацию о временных границах существования данного объекта мог бы дать нумизматический материал, но в базе данных Британского музея нет упоминания монет, подаренных полковником Манро. Однако, в 36-м томе Археологического журнала, издаваемом Королевским археологическим институтом Великобритании и Ирландии, в разделе протоколов встреч института за 1879-й год есть заметка о формировании музея в Таунтон Кастрл Холле, Сомерсет. Среди прочего там встречается упоминание о том, что «генерал Манро одолжил музею коллекцию греческих и римских монет из Крыма» [17, с. 417]. Из биографии Манро известно, что он в чине генерала прожил последние годы своей жизни в Сомерсете, в поместье Монтис Корт, где и скончался в 80-м г. XIX в. Таким образом, очевидно, что нумизматический материал его раскопок не был передан в Британский музей, а хранился у самого Манро и в определенный период экспонировался в музее в Сомерсете. Дальнейшая судьба этой коллекции, к сожалению, неизвестна, так как попытки автора связаться с Сомерсетским музеем ни к чему не привели.

Прежде чем перейти к завершению данной работы, хотелось бы добавить несколько деталей, полнее раскрывающих личность организатора этих раскопок, полковника, а позднее генерала, Вильяма Манро. Представляется, что образ организатора грабительских раскопок, сформированный в отечественной литературе, посвященной исследованию Херсонеса, неверен. Конечно, Манро был дилетантом, но просвещенным дилетантом, как и многие исследователи древностей в то время. Вот что писал о нем Дж. Хукер, видный ученый своего времени, вскоре после смерти генерала: «Всегда внимательный к физической и экономической географии стран, где ему приходилось служить, он еще до ран, полученных в битве при Махараджпуре и других, немало сделал в области исследований восточной ботаники. Позже он стал отличным практиком-садоводом, и заложил солдатские сады во многих местах своей службы в Индии, Канаде, Вест-Индии и других, а также ботанические сады в Агре и других местах. Он продолжил свои исследования в Крыму, в 1854–55 гг., где обратил внимание военных властей на предметы древнегреческого искусства, скрытые в земле Севастополя, и сам возглавил раскопки, и сформировал коллекцию находок, позднее переданную в Британский музей. Манро продолжал свои исследования в Канаде, Испании, на Бермудских островах, где он был губернатором в тревожное время нарушения блокады, и позднее в Вест-Индии, где он командовал Британскими войсками в течение пяти лет. На протяжении многих лет он посвятил себя изучению трудного и важного семейства злаковых, включая бесчисленные тропические зерновые и фуражные растения, и выпустил, среди других трудов, полную монографию бамбука, труд огромного содержания и большой практической ценности. Он приобрел большую репутацию среди континентальных и американских ученых, также как и в Британии, и стал признанным судьей в вопросах, связанных с экономически важнейшими растительными культурами» [18, с. 143].

Бесспорно, что на севастопольской земле Манро был незванным гостем, но произведенные им раскопки уберегли памятник от растаскивания на камни или уничтожения в ходе военного дорожного строительства. Судя по упоминанию снятого плана, наличию как минимум двух рисунков, и тщательно собранной коллекции находок, работы производились на достаточно высоком для того времени уровне. Доклады, сделанные Вильямом Манро, свидетельствуют о попытке ввести результаты раскопок в научный оборот, и наличие некоторых находок в каталогах доказывает частичный успех этих попыток. В полной же мере характер и назначение открытого им объекта не могли быть должным образом оценены в то время. И в отечественной истории некоторые античные винодельни, открытые значительно позже, не получили своего временного правильного понимания и осмысления [7, с. 3].

В целом, можно сказать, что перед нами яркий пример того, как научное открытие опередило свое время. Имя Манро осталось в истории зарубежной науки, но только в связи с ботаникой. Значимость же совершенного полковником археологического открытия не была осмыслена ни им, ни кем-то из его современников. Между тем, за 50 лет до работ Печенкина на хоре Херсонеса и за 100 лет до фундаментального труда Стржелецкого «Клеры Херсонеса Таврического» в окрестностях Севастополя была раскопана античная винодельня. Если бы не печальные военные обстоятельства этих раскопок, если бы остатки и материалы могли быть подробным образом зафиксированы, или результаты этих работ стали известны русским любителям древностей, то, возможно, многие научные открытия в области техники древнего земледелия состоялись бы раньше. Ныне же мы только можем добавить одну небольшую страницу к истории изучения древнего Херсонеса.

Автор выражает признательность М. В. Калашникову за помощь в переводе описаний находок и за критические замечания в ходе написания данной статьи.

Ключевые слова: Севастополь, Крымская война, хора Херсонеса, полковник Манро, раскопки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб., 2002.
2. *McPherson D.* Antiquities of Kertch. — L., 1857.
3. *Plan of Sevastopol and the attacks and positions of the Allied Armies in 1854–5* [cartographic material] / surveyed and drawn by Capt. Cook, Lieuts. Brine, Fisher ... [et al.] of the Royal Engineers; and Capt. Baldwin, 31st Regt., Lieut. Grinlinton, 4th Regt., Assistant Engineers. Southhampton [Eng.]: Ordnance Map Office; Lithographed at the Ordnance Map Office under the direction of Capt. Cameron. — 1857, 1858.
4. *Robinson F.* Diary of the Crimean war. — L., 1856.
5. *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического: К истории древнего земельного в Крыму // ХСб. — Симферополь, 1961. — Вып. 6.
6. *Николаенко Г. М.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV—III вв. до н. э. — Севастополь, 2001. — Ч. II.
7. *Андрущенко Н. П.* Античные винодельни, открытые в архивах: опыт исследования археологических объектов. — К., 2010.
8. *The Illustrated London News.* — Приложение. — 1855. — December, 8.
9. *Ковалевская А. А. Сарновски Т.* Круглые сооружения на сельской усадьбе 343 хоры Херсонеса // Причерноморье. История, политика, культура. — Симферополь, 2011. — Вып. V(II). Серия А: Античность и средневековье.
10. *Russell W. H.* The War: from death of Lord Raglan to the evacuation of the Crimea. By correspondent of "The Times." — L., 1856.
11. *Birch S.* History of ancient pottery. Egyptian, Assyrian, Greek, Etruscan and Roman. — L., 1873.
12. *Proceedings of the Society of Antiquaries of London.* — L., 1856. — Vol. III. From April 1853 to June 1856.
13. *Gentleman's Magazine.* By Sylvanus Urban, Gent. — L., 1856. — Vol. XLV.
14. *The Illustrated London News.* — 1856. — January, 19.
15. *Walters H. B.* Catalogue of the Roman Pottery in the Departments of antiquities, British Museum. — L., 1908.
16. http://www.britishmuseum.org/research/search_the_collection_database/search_results.aspx?orig=%2Fresearch%2Fsearch_the_collection_database.aspx&searchText=Donated+by+Col+Munro&x=5&y=16&fromDate=&fromadbc=ad&toDate=&toadbc=ad
17. *The Archaeological Journal.* Published under the direction of the central committee of the Archaeological Institute of Great Britain and Ireland. — L., 1879. — Vol. XXXVI.
18. *The Garden.* An Illustrated Weekly Journal of Horticulture in all Branches. — L., 1880. — Vol. XVII, midsummer.

Резюме

Аржанов А. Ю. Розкопки полковника Манро на Гераклеїському півострові під час Кримської війни 1854–56 рр.

У даній статті розповідається про розкопки офіцера 39-го піхотного полку англійської армії підполковника Вільяма Манро під Севастополем в період Кримської війни 1854–55 рр. На підставі військових карт і мемуарів тих років автор визначає точне місце розкопок в околицях штаб-квартири англійської армії. Також це місце отримує географічну прив'язку по відношенню до сучасних топонімів Севастополя. Досліджувачі вивчають ілюстративний газетний матеріал, що зберігся з того часу і спостереження очевидців, робиться висновок про характер дослідженої споруди — це садиба хори Херсонеса з виноробним комплексом, що існували в еллінізмі. Пізніше

на цій садибі з'являється кругла споруда, що перекриває виноградню. Також автор аналізує колекцію знахідок, переданих полковником Манро в Британський музей. Спираючись на датування фахівців Британського музею, робиться висновок про час існування комплексу. На думку автора, дана садиба точно існувала в період з III в. до н. е. по II—III ст. н. е.

Ключові слова: Севастополь, Кримська війна, хора Херсонеса, полковник Манро, розкопки.

Summary

A. Arzhanov. Colonel Munro Excavations at Heraklean Peninsula During the Crimean War, 1854–56 Years

This article describes the excavation of an English officer of the 39th Infantry Regiment, Lieutenant-Colonel William Munro at Sevastopol during the Crimean War of 1854–55 years. Based on military plans and memoirs of those years, the author determines the exact location of the excavation near English Army headquarters. Also, this place gets geo-referenced in relation to modern place-named of Sevastopol. Exploring the newspaper illustrations and observing the eyewitnesses, concluded about the nature of the investigated structures — a Chersonesos farm with winery that existed in Hellenistic time. Later there is circular building, overlapping the winery. Also the author analyzes a collection of finds, donated by Colonel Munro to the British museum. Based on the expert opinion of the British museum, concludes the lifetime farmhouse. According to the author, this farmhouse just existed between the III BC on II—III C.

Key words: Sevastopol, Crimean War, Chora of Chersonesos, Colonel Munro, excavations.

